

О понятии нулевого смысла текста

Е.С. Никитина*

Институт языкознания РАН, Москва, Россия,
m1253076@yandex.ru

В семиотической традиции текст рассматривается как знак с собственным содержанием. Это содержание в трех пространствах знака: семантическом, синтаксическом и прагматическом, — оформляется тремя смыслами. Принципиально, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации. Три пространства, или три сферы опыта — бытийное, мыслительное и коммуникативное, — объединенные в тексте, фокусируют на себе текстовые смыслы: нарративный, типологический и паралогический. Эти смыслы и формируют «узор» текста. Мир текста — мир сотворенный, обустроенный и продуманный в деталях. Первый слой есть уровень сюжета бытия. А поскольку текст, по определению, есть интертекстовая определенность, то этот уровень смысла в коммуникации выступает начальным, или нулевым, смыслом в процессе понимания текста. Но восхождение в понимании содержания здесь только начинается, проходя через уровень типологического и, далее, через интерпретативные практики, достигая паралогических тонкостей понимания. Текст — это действительность, ориентированная на то, чтобы ее понимали. И именно смысловая структура текста задает «понимательные» технологии. Пониманию, как и мышлению, нужно и можно обучать. В статье рассматривается понятие нулевого смысла в качестве первого, бытийного слоя смыслов, формирующих субъектность текста.

Ключевые слова: смысл, содержание, бытийный слой текста, схемы нарратива, пространства текста, понимание.

Ноль — это не только отсутствие чего-либо, но и начало движения. С нуля начинается новый старт, как в сторону будущего, так и в сторону прошлого на оси времени, то, что еще только предстоит, или то, что прошло, но значимо для настоящего. Без нуля невозможна ни одна мыслительная операция, будь то сравнение или обобщение, абстракция или конкретизация, классификация или синтез. Мыслительные операции — это мыслительные действия. Понимание есть всегда только часть мыслительного действия. Понимание непонятого начинает процесс и его завершает. Оно же контролирует его с позиции поставленной задачи. Понимание обслуживает мышление со стороны целевой, шире — ценностной компоненты взаимодействия. Это акт осознания (понимания того, что делаю) действия в контексте человеческой деятельности. И именно поэтому понимание подчинено нормам человеческих взаимодействий: как должно быть. Им управляет не логика предметности, как в мышлении, но логика взаимоотношений, как в коммуникации. Без этой логики было

бы невозможно взаимодействие людей в процессе деятельности. Это логика «договоренности» о действиях субъекта в системе взаимодействий. И кристаллизуется эта логика в текстовых структурах. Текст несет смысл, текст организуется смыслом, и в тексте смысл получает свое воплощение.

Есть притча о строителях храма.

Монах, руководивший строительством собора, решил посмотреть, как работают каменщики. Он подошел к первому и попросил его рассказать о своей работе.

— Я сижу перед каменной глыбой и работаю резцом. Скучная и нудная работа, изнуряющая меня, — сказал тот со злобой.

Монах подошел ко второму каменщику и спросил его о том же.

— Я работаю по камню резцом и зарабатываю этим деньги. Теперь моя семья не будет голодать, — ответил мастер сдержанно.

Монах увидел третьего каменщика и спросил о его работе.

Для цитаты:

Никитина Е.С. О понятии нулевого смысла текста // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 2. С. 108–117.
doi: 10.17759/chp.2015110211.

* Никитина Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела психолингвистики, Институт языкознания РАН, Москва, Россия. m1253076@yandex.ru

— Со стороны кажется, что я режу камень. Но на самом деле я строю Храм, который простоят тысячу лет. Я строю будущее, — улыбнувшись, ответил третий каменщик.

На следующий день монах предложил ему стать вместо себя руководителем работ.

Каменщики в притче делают одно дело, но по-разному понимают смысл своего труда. А чтобы у любого деяния обнаружить смысл, необходимо задаться вопросом: зачем это нужно? И отвечающий должен об этом рассказать другому, иначе, перевести в форму текстового воплощения. Понимать можно то, что организовано (упаковано) в текст — смысловое, а потому законченное знаковое образование, связанное как с предыдущими, так и с последующими текстами. Смысл есть отношение к содержанию, схваченное в одном из знаковых пространств текста: бытийном, мыслительном или коммуникативном. В блестящей статье «От произведения к тексту» Ролан Барт писал: «Различие здесь вот в чем: произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства (например, в библиотеке), а Текст — поле методологических операций (*un champ methodologique*)». И далее: «Всякий текст есть между-текст по отношению к какому-то другому тексту, но эту интертекстуальность не следует понимать так, что у текста есть какое-то происхождение; всякие поиски “источников” и “влиятельных” соответствуют мифу о филиации произведений, текст же образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем *уже читанных* цитат — из цитат без кавычек» [1, с. 418].

Субъектность текста. Пережив автора, текст продолжает существовать в пространстве культуры, не нуждаясь в комментариях своего создателя, но вступая в диалог с иными текстами. Ни один читатель, если только он не эксперт, не смотрит на содержание читаемого им текста как на выражение личности автора. Для него это лишь толика огромного и цельного корпуса знания, которую следует воспринимать как частичку знания, полученного некогда одним человеком от другого. И эта цепь уходит в глубокую древность. Равным образом и автор, записывая определенное содержание, вовсе не намеревался вызвать у будущих читателей интерес к своей персоне. Текст, однако, несет не только содержание, но содержание, схваченное в отношении к бытию, другим содержаниям и самому читателю. Этот субъективный аспект и есть смысл текста. Важно: он создает зазор между тем, что есть, и тем, как это воспринимается деятельностью субъектом. Текст поэтому есть кристаллизованная рефлексия человеческого бытия. И в этом заключается его смысл. Восстановление этого «намерения» текста есть задача понимания.

Субъектность текста (наличие собственного смысла) — результат упрочения письменности в культуре. Смыслы, накапливаясь в социуме, как-то должны были фиксироваться, сохраняться. Таким средством и выступил текст. Тексты — накопители смыслов.

Гетерогенность текстового пространства. Вопрос в том, сколько смыслов может содержаться в тексте? Дело в том, что до распространения письменности понимание сопровождало (или не сопровождало) разные психические процессы, будь то мышление, восприятие, воспоминание, чувство. С появлением письменных текстов понимание встало в один ряд с иными «умственными действиями», так как стало самостоятельным процессом со своим продуктом — извлечением смысла из текстов.

Всякое умственное действие представляет собой двойное образование: мыслимое предметное содержание и собственно мышление о нем как психическое действие, обращенное на это содержание. «В каждом человеческом действии есть ориентировочная, исполнительная и контрольная части. Когда действие становится умственным и далее меняется так, что ориентировочная часть превращается в “понимание”, исполнительная — в автоматическое ассоциативное прохождение объективного содержания действия в поле сознания, а контроль — в акт обращения “я” на это содержание, то собственная активность субъекта, внутреннее внимание, сознание как акт сливаются в одно переживание; при самонаблюдении оно представляется чем-то простым и далее неразложимым, как его и описывали старые авторы» [6, с. 222].

Смысловая структура акта понимания обрамляет акт содержательного мыслительного действия. Понимание как акт запускается задачей. «Дело в том, что проблема, воплощенная в задаче, представляет собой не просто информацию об объективной стимульной ситуации. Сама по себе информационная модель проблемной ситуации может быть представлена и на перцептивном уровне, и тогда она воплощает в себе задачу не в собственно мыслительном, а в обобщенном смысле этого термина («перцептивную задачу»). Специфика же задачи как собственно мыслительного феномена состоит в том, что в ней представлена не только информация о проблемной ситуации, но и информация о дефиците информации об определенных предметных отношениях в этой проблемной ситуации. И если психическая модель этой ситуации может быть представлена предметными психическими структурами, прежде всего образами, непосредственно воспроизводящими ее предметное содержание, то информация о нераскрытости или непонятности соответствующих отношений требует другой формы представления. Эта необходимость определяется (если даже оставить в стороне социальную коммуникативную детерминацию мышления) хотя бы уже тем, что предметные психические структуры воспроизводят соответствующее объективное предметное содержание, характеристики же самих этих психических структур непосредственно не воспроизводятся. Мы не воспринимаем перцептивные образы, а перцептивно отображаем их объекты. Поэтому информация о неполноте предметной психической модели проблемной ситуации не может быть представлена прямо на языке самих

предметных психических структур. Она требует некоторой вторичной формы представления, такой, однако, которая сама бы непосредственно отображалась и тем самым могла бы векторизовать процесс и управлять им (не говоря уже о том, что только это условие может обеспечить межиндивидуальную передачу данной информации об информационном дефиците). Именно таким требованиям удовлетворяет знаковая или, иначе говоря, речевая форма представления информационного дефицита. Поэтому действительно есть достаточные основания эмпирически определить задачу как знаковую или речевую модель проблемной ситуации» [4, с. 90–91]. В мыслительном акте понимание выступает важной, но сопровождающей составляющей процесса мышления.

Чтение делает понимание особым видом умственного действия, со своими операциями и продуктом, поскольку прочтение текста предполагает понимание: извлечение смысла, а не только пересказ его содержания.

Когда-то греческий христианский теолог и философ Ориген уподоблял текст человеку, состоящему из тела, души и духа — триединому и неделимому началу. И в тексте, согласно Оригену, можно найти три смысла. Суть его учения сводится к утверждению, что — по аналогии с трехчастным составом человека, представляющего собою единство «тела», «души» и «духа», — в Писании можно усмотреть «телесный», «душевный» и «духовный» смысл. А коль скоро процесс духовного совершенствования человека и человечества может мыслиться как постепенное преодоление материального начала и достижение «духовного» состояния, то, соответственно, и раскрытие подлинного смысла Писания должно подразумевать последовательный переход от «телесного» смысла к более возвышенному «душевному», а затем — к «духовному» [11].

С идеей Оригена о трехуровневом смысловом единстве текста перекликается и риторическая конструкция текста. Так, в классической риторике в тексте были выделены три слоя. Слой предметный, слой логический и слой языковой. Каждый имел относительную самостоятельность, позволившую ему быть предметом анализа в особом разделе риторического канона. Предметный слой анализировался в разделе инвенции, понятийный слой — в разделе диспозиции и языковой слой — в разделе элокуции. Все вместе они служили оформлению текста в определенную функциональную смысловую структуру. Нам важно отметить, что в каждом разделе речь шла о разных пространствах: предметном, понятийном, языковом (речевом). Каждый раздел характеризовался своей логикой описания и способами работы с материалом. Движение от предметного пространства в сторону языкового сообщало тексту риторическую функцию. Иные направления движений порождали такие функции текста, как конденсацию информации (память), трансформацию сообщения и выработку нового содержания, актуализацию определенных сторон личности адресата, культурного контекста

[8, с. 154–161]. Понимание же выполняло функцию удержания целостности семиотических взаимоотношений внутри текстового пространства, иначе, смысловой наполненности текста.

Диалогизм смысла. За любым текстом, если это высказывание, а не плагиат — вольный, либо невольный — стоят вопросы, ответом на которые и выступает сам текст. Как писал М. Бахтин, «...смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла» [2, с. 350]. Вопросы же по тексту могут сгущаться вокруг трех составляющих («ипостасей») текста: предмета, понятия, словесного оформления. Отсюда и выводилась трехуровневая система способов понимания текста. Буквальное понимание, мы его обозначим как нулевой способ понимания, относится к бытийному или нарративному полю текста. Этот текстовый смысл должен быть опознан, чтобы служить опорой для последующих пониманий и интерпретаций.

Текст, рассмотренный в качестве семиотического образования, есть живое воплощенное сознание. Так, при рассмотрении понятия текста в плане семиотики культуры, было обнаружено, что, для того чтобы какое-либо сообщение могло быть определено как «текст», оно должно быть как минимум дважды закодировано. Во-первых, как сообщение и, во-вторых, как метасообщение, как отнесенное к жанровому единству, осознанное представление о чем-либо в качестве коммуникативного сообщения. Лотман, например, пишет, что «...сообщение, определяемое как “закон”, отличается от описания некоего криминального случая тем, что одновременно принадлежит и естественному, и юридическому языку, составляя в первом случае цепочку знаков с разными значениями, а во втором — некоторый сложный знак с единым значением. То же самое можно сказать и о текстах типа “молитва” и т.п.» [8, с. 158–159]. А значит, у всякого текста можно обнаружить и типологический смысл, иначе, его включенность в жанровую сферу текстового существования. Человек рождается в этот мир как в мир типических определенностей и уже на ранних стадиях развития, усваивая язык, научается воспринимать явления, предметы, существа в мире как типы, а не как сочетания уникальных и неповторимых качеств. В этом смысле любое восприятие опосредованно. И точно так же, как при распознавании речевых жанров, описанных Бахтиным, люди научаются безошибочно распознавать тип взаимодействия, «угадывая» его по частным признакам, ибо заранее имеют ощущение целого предстоящего взаимодействия, его композиционного строения, типичного начала и завершения и прочих «жанровых» признаков. Наличие типологического смысла позволяет преобразовывать текст: сжимать его, пересказывать «своими словами», переводить на другие языки и др. И при этом быть уверенным, что мы имеем дело с тем же самым содержанием. Типологический смысл охраняет границы переданного содержания, не позволяя ему расплзтись до описаний видимого. Именно в этом фокусе смысла содержится мысли-

тельное ядро текста. Понимание выполняет здесь функцию культурного смыслового контроля.

По мере усложнения сознания шло усложнение и структуры текста: у него появлялись качественно новые функции. «Многослойный и семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения как с окружающим культурным контекстом, так и с читательской аудиторией, перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату. Обнаруживая способность конденсировать информацию, он приобретает память. Одновременно он обнаруживает качество, которое Гераклит определил как «самовозрастающий логос». На такой стадии структурного усложнения текст обнаруживает свойства интеллектуального устройства: он не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые» [8, с. 160].

Но без «нарративного понимания», изображения событий на временной оси, текст лишился бы своей предметной отнесенности. И главной диалогической функции — связывания времен.

Чтобы именоваться текстом, высказывание должно изначально что-либо изображать, описывать. Без этого слоя, или «сюжета бытия», по выражению Фазиля Искандера, текст перестает быть смысловым накопителем в культуре. Конструктивистское направление в философии главной функцией разума, будь то в науке или в искусстве, признает «создание миров» [7]. И как убедительно обосновал Поль Рикер, «способность повествования (*recit*), взятого в его нераздельности и полноте, *рефигурировать время*» [12, с. 7], главной функцией нарратива делает связывание времен. Проживаемость времени схватывается только в нарративе. Ведь рассказ есть действие с определенной целью: заставить отсутствующих сделать то, что они сделали бы, если бы были присутствующими. При помощи памяти пытаются объединить людей, несмотря на трудности и несмотря на отсутствие. Память выступает в нарративе усложненной, производной формой речи [9].

Понятие нулевого знака есть выражение атрибутивной характеристики знаковости сознания. Так, в работе «История развития высших психических функций» Л.С. Выготский предположил, что на начальной стадии речевого развития ребенок не открывает значение слов, а создает знак на основании усвоения функций предметов. Ребенок просто осваивает навык употребления знака и формальную структуру его функционирования без понимания и осмысления. С точки зрения Выготского, речь первоначально развивается независимо от мышления, проходя все стадии развития условного рефлекса. Мышление и речь сталкиваются не в момент освоения речи ребенком, а гораздо позже: «На деле происходит непосредственное усвоение функций, и только на основе такого усвоения возникает позднее осознание предмета» [5, с. 176]. На языке семиотики первичным, по Выготскому, является прагматический, а не семантический аспект оперирования знаком (текстом как

знаком). Знак — это не результат мышления или понимания, знак — это результат ассоциации двух вещей, одна из которых становится знаком, а другая — предметом. Смысл же появляется при формировании логических процедур оперирования понятиями, как контроль за правильностью выполнения операций. Но этот мыслительный процесс происходит позже речевого процесса овладения связью между словами и вещами. Ключевая идея Выготского состояла в том, что речь, способность оперировать знаками сами по себе еще не являются показателем мышления. Но основа для последующего восхождения к смыслу здесь уже заложена.

По аналогии с нулевым знаком можно говорить и о нулевом смысле. Функция у него та же: запуск механизма взаимопонимания. Ведь смысл, в отличие от содержания текста, можно расщепить на другие смыслы.

С одной стороны, наша перцептуальная связь с миром действует постольку, поскольку мы относимся с доверием к существовавшим до нас рассказам. Жизнь только в настоящем невозможна; мы постоянно скрепляем вещи и события клеим памяти — как личной, так и коллективной. Из-за того, что человеку даны два вида памяти (индивидуальная память, благодаря которой мы знаем, что делали вчера, и коллективная память, которая осведомляет), часто происходит путаница и наложение чужого опыта на наш собственный. Зато это переплетение индивидуальной и коллективной памяти увеличивает срок нашей жизни, продлевая ее вспять во времени, и представляется нам обещанием бессмертия. Нарратив — это жизнь с другими. А потому эта жизнь может длиться от Адама до Страшного Суда.

Но с другой стороны, даже самый примитивный рассказ разворачивается в тройном пространстве: пространстве действия, в котором протекают события; в пространстве сознания, во внутренней речи и переживаниях персонажей, вовлеченных в действие; и в пространстве самого текста, объединяющем первые два и отделяющем его от других историй, пусть даже и о том же самом событии. Тройственность пространства нарратива — его неотъемлемая составляющая, которая в определенной мере объясняет повсеместное присутствие обмана в рассказах на протяжении всей истории. Действующие персонажи не просто обманывают: они мечтают, надеются, сомневаются и не могут решить, где видимость, а где действительность. Соответственно, в любых описаниях есть заданная неопределенность. «Описания реляционны, относительно, не репрезентациональны, они не напрямую воспроизводят события мира, каковы бы эти события ни были. Согласно подобному реляционному пониманию любых описаний, некое однозначное описание может рассматриваться в качестве видимой части описания двойного, описания “с обеих сторон”. Именно то, что находится на другой стороне однозначных описаний жизненных переживаний, то, что находится на другой стороне различаемого, то, от чего различение зависит, — именно это я

здесь называю “отсутствующим, но подразумеваемым”. Я нахожу поддержку подобного понимания природы описаний в идеях Грегори Бейтсона (Bateson, 1980) и Жака Деррида (Derrida, 1978), которые бросили вызов мифу присутствия, то есть идеального и ничем не опосредованного знания мира, изначального присутствия, проявляющегося во всех выражениях жизни, репрезентируемого в описаниях нашей речи и на письме» [15].

Разум никогда не свободен от предубеждений. Не бывает наивного взгляда или взгляда, достигающего первородной реальности. При поисках смысла, всеведущий рассказчик, как и «наблюдатель очевидного», не учитывающий относительность, исчезает, а вместе с ними растворяется и «чистая» реальность. Есть только гипотезы, версии, ожидаемые сценарии. И потому нельзя с уверенностью утверждать, что «содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл — это мысль об этой действительности, т.е. интерпретация того, что сообщается в тексте. Содержание базируется на денотативных (референтных) структурах, отражающих объективное «положение вещей» в мире. Смысл же базируется в определенной степени на тематической организации текста, связанной с экспликацией замысла автора, который при восприятии предстает как некоторый код, который следует расшифровать» [10, с. 143]. Смысл — это значимость содержания в структуре действий персонажей. Если же эти персонажи — предметы действительности, то смысл стоит за вопросами об их взаимодействиях, в непонятности этих взаимодействий. Чтобы обнаружить смысл, необходимо восстановить вопросы, на которые данный текст отвечает. Но он никогда не сводится только к содержанию. Чтобы развести содержание и отношение этого содержания к предыдущим знаниям, необходимо встать на позицию относительности точки зрения в акте нарратива. Человеческая жизнь есть рассказ, нарратив, сколь бы несвязным он ни был. И любая история станет понятнее, если рассмотреть иные возможные способы ее изложения. Это верно как в отношении жизненных историй, так и в отношении любых других нарративов. Именно смыслы историй и позволяют, как в строчке Иейтса, танец от танцора отличить. Относительная позиционность рассказчика — точка зрения — еще одна сущностная характеристика нарратива.

Рассказ это всего лишь рассказ. «Каждый человек — всегда рассказчик историй, он живет в окружении историй, своих и чужих, и все, что с ним происходит, видит сквозь их призму. Вот он и старается подогнать свою жизнь под рассказ о ней. Но приходится выбирать: или жить, или рассказывать. <...> Пока живешь, никаких приключений не бывает. Меняются декорации, люди приходят и уходят — вот и все. Никогда никакого начала. Дни прибавляются друг к другу без всякого смысла, бесконечно и однообразно. <...> Это называется жить. Но когда ты рассказываешь свою жизнь, все меняется; только никто этой пе-

ремены не замечает, и вот доказательство: люди недаром толкуют о правдивых историях. Будто истории вообще могут быть правдивыми; события развертываются в одной последовательности, рассказываем же мы их в обратной. <...> И рассказ развертывается задом наперед: мгновения перестали наудачу громоздиться одно на другое, их подцепил конец истории, он притягивает их к себе, а каждое из них, в свою очередь, тянет за собой предшествующее мгновение. <...> Я хотел, чтобы мгновения моей жизни следовали друг за другом, выстраиваясь по порядку, как мгновения жизни, которую вспоминаешь. А это все равно, что пытаться ухватить время за хвост» [13].

Рассказ воссоздает соприсутствие в иной жизни. И потому здесь возникает диалогический разворот со-бытия, включая собеседника в иные контексты. Последующая же децентрация собственной позиции рассказчика ведет к объективации опыта. Все объективное — многомерно, или, по выражению Уайта, полиисторийно. Но как пробиться к этому многомерию, чтобы встать в оппозицию к своему опыту? Коммуникативных техник здесь было предложено множество: от катарсиса до психодрамы. Нарративные технологии, развивающие свои функции, предлагают особую форму организации такого опыта.

Понятие «отсутствующего, но подразумеваемого» основывается на представлении, что все выражения и тот смысл, который выражения пытаются передать, не извлекаются непосредственно из опыта переживания того явления, к которому отсылает выражение. «Нарративное понимание» несет на себе всю тяжесть жизненного контекста и поэтому является лучшим средством («медиумом») для передачи человеческого опыта и связанных с ним противоречий. Согласно Дж. Брунеру, воплощение опыта в форме истории, рассказа позволяет осмыслить его в интерперсональной, межличностной сфере, поскольку форма нарратива, выработанная в ходе развития культуры, уже сама по себе предполагает исторически опосредованный опыт межличностных отношений.

Нарратив конструирует реальность. Технология нарратива может быть обозначена как диалогизация ситуации: включения других, рассмотрения позиций этих других, их переживаний и соотнесение всех этих позиций друг с другом, по другому, осмысление ситуации.

Как структура репрезентирующая реальность, нарративная схема, является драматургической моделью определенной сферы жизни. «Нарратив имитирует жизнь, а жизнь имитирует нарратив. “Жизнь”, в этом смысле, такой же продукт человеческого воображения, как и “нарратив”. Она конструируется людьми в процессе активного поиска объяснений, того же самого, с помощью которого мы конструируем нарративы. Когда кто-то рассказывает вам о своей жизни <...> — это всегда скорее когнитивное действие, нежели кристально чистое изложение чего-то однозначно данного. В конечном счете, это нарративное действие. С психологической точки зрения, такой вещи, как “жизнь сама по себе” не су-

ществует. В крайнем случае — это результат избирательной работы памяти; в остальном же повествование о своей жизни представляет собой искусство интерпретации» [3, с. 11]. Протоколы свидетелей происшествия — яркое тому доказательство. Или, как неоднократно говорила известная в криминалистических кругах Мисс Марпл, люди не всегда понимают смысл того, что они видели.

Любой нарратив опирается на предзаданную схему. Нарративная схема повествования состоит как минимум из пяти элементов: Действующего лица (Agent), Действия (Action), Цели (Goal), Обстановки (Setting), Средства (Instrument) и Трудности (Trouble) [Цит. по Брунер: 17]. Трудность — это то, что движет драмой; она возникает при несоответствии между двумя или более элементами из пентады.

Кроме этого, нарративная схема может прямо моделировать репертуары главных интенций героев и сопутствующие им планы реализации.

Эти пять компонентов нарративной схемы создают познавательные предпосылки возможных фабул историй, разворачивающихся в рамках конкретной сферы жизни индивида, так, как он ее понимает. Можно, следовательно, сказать, что в рамках нарративной схемы очерченная сфера являет себя для человека как пространство, в котором происходят особого рода истории. А именно, истории, основывающиеся на том, что типично для этой личности, имеющей определенные интенции, сталкивающейся со специфическими повторяющимися проблемами, в то время как среда и ее особенности создают условия и предопределяют шансы их решения.

Нарративная схема, как правило, только в общих чертах задает содержание пяти названных выше компонентов, но она же определяет весь спектр возможных рассказов, посредством которых индивид в состоянии интерпретировать понятным ему способом данную сферу жизни.

Степень влияния схемы на содержание конструируемого рассказа никогда не бывает полной и зависит от сферы жизни индивида (субъекта конструирования), а также от реальной последовательности событий. Индивид выступает в творческом качестве в нарративной интерпретации изменчивых событий, хотя его творчество и организовано схемами, или правилами интерпретации. На базе схем можно создавать бесконечное множество нарративов, которые используют, однако, ограниченное число правил конструирования. Нарративная схема влияет на познавательные процессы индивида тем же способом, каким и любая другая познавательная схема, или, истолковывая более широко, создавая определенные ограничения для структуры и содержания рассказов, создаваемых индивидом. Нарративная схема действует так, что индивид ожидает появления определенных содержаний, и предлагает правила интерпретации, осуществляющие специфическую категоризацию и интеграцию этих содержаний, в результате чего на основе этой схемы формируется их умственный образ. Схема позволяет

«дополнить» (обычно неосознанно) содержание, деформируя данные истории (так называемый default values) в психологии познания. Можно, следовательно, сказать, что нарративная схема является механизмом нарративного конструирования реальности индивидом» [16].

Основная функция нарративной схемы, следовательно, состоит в том, что она управляет процессами понимания и принятия решения путем конструирования истории из поступающих (и провоцируемых решениями индивида) фактов. Нарративная схема является познавательной процедурой «чтения» потока событий таким образом, что понятными они становятся в контексте *завершенной* истории. В историях действуют определенные герои с определенными интенциями, сталкивающиеся с определенными видами трудностей и имеющие определенные возможности и шансы справиться с ними. Немного утрируя смысл представленного выше положения, можно сказать, что нарративная схема в общих чертах определяет весь спектр возможных рассказов, посредством которых индивид в состоянии интерпретировать понятным ему способом выделенную сферу жизни. Нарративная схема может иметь разный уровень детализации, в связи с чем степень детерминации содержания рассказа этими схемами может быть различной.

Теперь вернемся к нарративному пониманию текста как уже «остраненного опыта». Олдос Хаксли писал: «Опыт — это не то, что с нами произошло, это то, что вы делаете с тем, что с вами произошло». Один из создателей нарративного подхода в психотерапии Майкл Уайт, рассматривает жизни людей и их взаимоотношения как истории. Нарративная терапия — беседа, в процессе которой люди «перерасказывают», т. е. рассказывают по-новому, истории своей жизни. Это возможно, поскольку, повторимся, наши жизни мультиисторичны. Каждый момент содержит пространство для существования многих историй, и одни и те же события в зависимости от приписываемых им смыслов и характеров связей могут сложиться в разные сюжеты. Любая история не лишена некоторой степени неопределенности и противоречивости. И ни одна история не может вместить все жизненные обстоятельства.

С помощью вопросов, задаваемых психотерапевтом, клиент может взглянуть в написанное «мелким шрифтом», в скобках, сносках, комментариях, в те фрагменты личной истории, которые он в свое время предпочел не вписывать в главные сюжетные линии, но которые, тем не менее, никуда не делись, стоит только их вспомнить и заново вдохнуть в них жизнь.

Любой текст формируется как текст встречный: отвечающий, поясняющий, каким-либо образом реагирующий на другие тексты в ситуации взаимодействия. Обнаружение этих «стимульных» текстов — задача профессионала, который может задавать вопросы, способствующие выявлению отсутствующего, но подразумеваемого, и его дальнейшему насыщенному описанию.

В нарративной теории отсутствует идея «нормы» и знания о том, каким человек или его отношения должны быть. Сам клиент выступает автором своей истории и экспертом в своей жизни, так как только он может решить, что для него предпочтительно. Сотрудничая с клиентом, терапевт может помочь ему определиться с предпочтениями, увидеть возможности, создать новую историю. «Вместо того чтобы составлять натуралистический рассказ о том, что отсутствовало, но подразумевалось в выражениях людей, т.е. сводить это к представлениям о “человеческой природе” и неотъемлемо присущих ей особенностях, в рамках нарративных бесед мы способствуем насыщенному описанию посредством расспрашивания, выявляющего значимые исторические обстоятельства, которые создали контекст для различения в выражениях людей. <...> Беседы, распаковывающие подобные заключения о сущностных качествах, способствуют насыщенному описанию жизни и идентичности и новым возможностям для действия в мире, которые иначе не были бы людям доступны» [18].

Диалогизация рассказа, перерасказ с иной точки зрения некоторого важного события, объективизирует взгляд на ситуации жизни и способствует изменению отношения к ним, меняет смысл события.

М.М. Бахтин писал, что любой автор никогда не может отдать всего себя и все свое речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию ответного понимания, которая может отодвигаться в разных направлениях. В разные эпохи и при разном миропонимании этот наддресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения: бог, абсолютная истина, суд совести, суд истории, наука, профессионал и т. п. Третий вовсе не является чем-то метафизическим — он конститутивный момент целого высказывания, и всегда может быть в нем обнаружен. «Каждый диалог происходит как бы на фоне ответного понимания незримо присутствующего третьего, стоящего над всеми участниками диалога (партнерами)» [2, с. 306].

Если в социальной ситуации третьим, как в нарративной психотерапии, может выступать терапевт. В контексте культуры сам текст, как знаковый субъект, выступает таким третьим, «стоящим над всеми участниками диалога». Три составляющие компоненты знака охраняют его единство и целостность. Текст как знак есть триединство этих компонентов. Отсутствие одной компоненты не нарушает структуру знака, но переводит его в пограничное состояние, в зону творчества, где ему предстоит достраиваться до своей целостности, чтобы оставаться знаком, а не растворяться в вещах и свойствах.

Интерпретированный особым образом нарративный мир является для нас миром «объективным». В определенном, характерном для нас понимании реальности мы не замечаем собственного участия, не видим присутствия наших знаний, эмоций, ценнос-

тей и культуры, в которой мы воспитаны. Мы не можем познать никакого иного «мира», кроме того, который узнаем в процессе наших интерпретаций. Джером Брунер (1986) обратил внимание на то, что при нарративном способе интерпретации мира истина опирается не на логику аргументов, а на «жизнеподобие» (lifelikeness) познавательных фактов и, добавим, их подобие той жизни, какую мы имеем в опыте. Однако антропологи, культурологи, психологи, социологи выходят за пределы субъективного, «здравосмысленного» (common sense) познания очевидности и так называемой объективности нашего видения мира. Они стремятся выявить универсальные правила интерпретации реальности.

Заключение. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самооценность. По замечанию Р. Барта, «если о чем-либо рассказывается ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, т.е., в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой, — то голос отрывается от своего источника, для автора наступает смерть, и здесь-то начинается письмо» [1, с. 384]. Нарратив выступает собственно человеческим способом понимания мира. Поток сознания люди преобразуют в истории. И, тем самым, делают свою жизнь осмысленной. Нарративное понимание мира универсально: оно пронизывает все формы организации человеческого опыта от мифов, поэм, романов, баллад, репортажей до повседневных бесед. Люди пересказывают истории, свои и чужие, укрепляя память. Через нарративные структуры передаются в поколениях накопленные знания. В историях же воплощается полнота жизни. Естественность формы рассказа как средства выражения мыслей и переживаний является эпифеноменом нарративного способа понимания мира, который, в свою очередь, возникает из нарративной структуры человеческого знания о мире.

В классической риторике была операционализована смысловая трехчастность текста через алгоритмы его построения. В риторическом каноне текст изучался в трех пространствах: бытийном, мыслительном и коммуникативном. Все вместе эти пространства текста организовывали смысл как функциональную составляющую воссоздающегося идеального бытия. И каждое из этих пространств выступало той сферой, на которой могла происходить кристаллизация смысла. Принципиально важно, что текст гетерогенен с точки зрения смысловой организации. И у него есть собственное намерение, кроме намерения автора и истолкователя. Обнаружить это «намерение» — значит указать на нулевой вариант смысла. Собственно только тогда можно говорить об авторских или читательских смысловых сдвигах в понимании текста. В отличие от содержания смысл отвечает на вопрос и может изменяться вместе с вопросом. Но без начальной, нулевой точки отсчета в смыслогенезе, текст не может быть рассмотрен в качестве субъекта коммуникативного акта.

В любом тексте можно обнаружить три слоя или три контура: бытийный, мыслительный и речевой.

Самый первый и основной уровень текста, безусловно, бытийный. Он воссоздает реальность, в которой далее происходит приращение смысловых слоев. Важно, что смысл не сводится к содержанию текста, так как в отличие от последнего он всегда отвечает на вопросы о собственной значимости. В отличие же от содержания смысл поддается расщеплению на точки зрения, на позиции в видимой ситуации. И смысл не складывается из отдельных элементов текста (денотатов), но воспроизводится сразу как целостное, клеточное образование, противопоставленное только другим смыслам текста. Антуан де Сент-Экзюпери говорил так: «Кто бьет киркой, хочет знать, какой смысл в том, что он бьет киркой. Каторжник бьет киркой совсем не так, как изыскатель, которого удар киркой возвышает. Каторга не там, где бьют киркой. Дело вовсе не в физических трудностях. Каторга там, где бьют киркой бессмысленно, где удар киркой не связывает работающего со всем человечеством» [14, с. 155]. С поиска смысла начинается работа с

текстом. В отличие от высказывания текст, как коммуникативный субъект, находит свое смысловое завершение в отношении с другими текстами, вступая в жанрово-стилистические области своего существования. А далее, с адресатом, с мыслимой аудиторией: у всякого текста она своя. И потому нарративный смысл, смысл взаимоотношений между нарративной действительностью и реальностью, внутри текстового пространства выступает начальной или нулевой точкой движения в восхождении к коммуникативному (духовному, по Оригену) смыслу текста. Но без этого уровня движение вообще не может начаться. Смысл есть отношение к содержанию, сформированное в трех пространствах текста, ориентированных на действительность, другие тексты или же партнера по общению. Через зазор между содержанием и смыслами текста субъект выходит в рефлексивную позицию относительно своего понимания. Осознание себя понимающим, направляет человека к изучению процедур понимания. У понимающего человека появляется диалогический взгляд на способы взаимодействий.

Финансирование

Исследование финансировалось Российской академией наук.

Литература

1. *Барт Р.* Смерть автора // Избранные работы: Семиотика. Поэтика: пер. с фр. / Сост. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; текст подгот. Г.С.Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 424 с.
3. *Брунер Дж.* Жизнь как нарратив // Постнеклассическая психология. Социальный конструктивизм и нарративный подход. Научно-практический журнал. 2005. № 1 (2). С. 9–30.
4. *Веккер Л.М.* Психические процессы. Том 2. Мышление и интеллект. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1976. 343 с.
5. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983. 368 с.
6. *Гальперин П.Я.* К проблеме внимания // Хрестоматия по вниманию. М.: МГУ, 1976. С. 220–228.
7. *Гудмен Н.* Способы создания миров / Пер. М.В. Лебедева. М.: Идея-Пресс; Логос; Праксис, 2001. 376 с.
8. *Лотман Ю.М.* Текст как семиотическая проблема // Ю.М. Лотман. История и типология русской культуры. СПб., «Искусство-СПБ», 2002. 768 с.
9. *Никитина Е.С.* Вариант истории развития нарратива в лицах и без сюжета // Журнал практического психолога. Специальный выпуск. Текст как субъект понимания, 2013. № 3. С. 78–93.
10. *Новиков А.И.* Текст и его смысловые доминанты. М.: Институт языкознания РАН, 2007. 224 с.
11. *Ориген.* О началах [Электронный ресурс] / Пер. Н. Петрова. Казань, 1899 [отд. оттиск из ПС за 1899 г.]. Переизд.: Рига, 1936; Самара, 1993; Новосибирск, 1993. URL: // <http://azbyka.ru>. 05.04.2005. URL: http://azbyka.ru/otekhnika/Origen/o_nachalah/ (дата обращения: 17.01.2015).
12. *Рикёр П.* Время и рассказ / Пер. Т.В. Славко. М.; СПб.: ЦГНИИ ИНИОН РАН: Культурная инициатива: Университетская книга, 2000. 313 с.
13. *Сартр Жан-Поль.* Тошнота / Пер. Ю. Яхиной. М.: «АСТ, Фолио», 2001. 320 с.
14. *Сент-Экзюпери А. де* Смысл жизни. М.: Эксмо, 2013. 224 с.
15. *Уайт М.* «Отсутствующее, но подразумеваемое» [Электронный ресурс]: Материал, представленный на конференции по нарративной терапии и работе с сообществами в Аделаиде в феврале 1999 года / Пер. Д. Кутузовой. URL: <http://narrlibrus.wordpress.com/author/narrlibrus> (дата обращения: 21.02.2013).
16. *Bruner J.S.* Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 222 p.
17. *Trzebinski J.* Narracyjne konstruowanie rzeczywistosci // Narracja jako sposob rozumienia swiata / Pod red. J. Trzebinski. — Gdansk: Gdanskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2002. P. 17–43.
18. *White M.* Narratives of therapists' lives. Adelaide: Dulwich Centre Publications. 1997. P. 3–24.

On the Concept of Zero Meaning of Text

E.S. Nikitina*

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
m1253076@yandex.ru

In the semiotic tradition text is considered a sign with its own content. This content is shaped by three meanings within three spaces of sign: semantic, syntactic and pragmatic. It is crucial that text is heterogeneous from the point of view of meaning organization. Three spaces or three spheres of experience integrated within text - existential, rational and communicative - focus upon themselves the narrative, typological and paralogical meanings of text. These meanings constitute the true 'pattern' of text. The world of text is the one created, arranged and thought over in great details. The first layer is the level of the plot of existence. And since text is, by definition, an intertextual determinacy, in communication this level of meaning acts as the initial, or zero, meaning in the process of understanding text. However, understanding content only begins at this point, continuing through the typological level and, further on, through interpretational practices, finally reaching the paralogical subtleties of understanding. Text is a reality oriented at being understood. And it is the very structure of meaning of text that shapes the technologies of understanding. One can and must be taught to understand. The paper addresses the concept of zero meaning as the initial, existential layer of meanings that form the subjectness of text.

Keywords: meaning, content, existential layer of text, schemes of narrative, spaces of text, understanding.

Acknowledgements

The research was supported by Linguistics Institute RAS.

References

1. Bart R. Smert' avtora [Death of the author]. In Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected works: Semiotika. Poetika]. Kosikov G.K. (ed.). Moscow: Publ. Progress, 1989. 616 p. (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Bocharov S.G. (ed.). Moscow: Publ. Iskusstvo, 1979. 424 p.
3. Bruner Dzh. Zhizn' kak narrative [Life as a narrative]. *Postneklassicheskaya psikhologiya. Nauchno-prakticheskii zhurnal. Sotsial'nyi konstruktivizm i narrativnyi podkhod*. [Postnonclassical psychology. Scientific journal. Social constructionism and narrative approach], 2005, no. 1(2), pp. 9–30.
4. Vekker L.M. Psikhicheskie protsessy. Tom 2. Myshlenie i intellekt [Vecker L.M. Mental processes. Thinking and Intelligence]. Leningrad. Publ. Leningradskogo Universiteta, 1976. 343 p.
5. Vygotskii L.S. Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsii [History of development of higher mental functions]. In Vygotskii L.S. *Sobranie sochinenii: v 6-ti t. T. 3. Problemy razvitiya psikhiki* [Works in 6 volumes. Vol. 3. Problems of mental development]. Moscow: Publ. Pedagogika, 1983. 368 p.
6. Gal'perin P.Ya. K probleme vnimaniya [On the problem of attention]. *Khrestomatiya po vnimaniyu* [Anthology of attention]. Moscow: MGU, 1976, pp. 220–228.
7. Gudmen N. Sposoby sozdaniya mirov [How to create worlds]. Lebedev M. V. (ed.). Moscow: Publ. Ideya-Press, Logos, Praksis, 2001. 376 p. (In Russ.).
8. Lotman Yu.M. Tekst kak semioticheskaya problema [Text as a semiotic problem]. In Lotman Yu.M. *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury* [History and typology of Russian culture]. Sankt-Peterburg: Publ. "Iskusstvo-SPB", 2002. 768 p.
9. Nikitina E.S. Variant istorii razvitiya narrativa v litsakh i bez syuzheta [Option history of narrative in the people and without a plot]. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa. Spetsial'nyi vypusk: tekst kak sub'ekt ponimaniya* [Journal of Practical Psychology. Special issue. Text as a Subject of understanding], 2013, no. 3, pp. 78–93.
10. Novikov A.I. Tekst i ego smyslovye dominanty [Text and its semantic dominant]. Moscow: Institut yazykoznaniiya RAN, 2007, 224 p.
11. Origen O nachalakh [On the basis] [Elektronnyi resurs]. Petrov N. (ed.)a. Kazan', 1899 [otd. ottisk iz PS za 1899 g.]. Pereizd.: Riga, 1936; Samara, 1993; Novosibirsk, 1993. //http://azbyka.ru. 05.04.2005. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Origen/o_nachalah/ (Accessed 17.01.2015). (In Russ.).
12. Riker P. Vremya i rasskaz [Time and story]. Slavko T.V. (ed.). Moscow; Sankt-Peterburg: TsGNII INION RAN: Kul'turnaya initsiativa: Universitetskaya kniga, 2000. 313 p. (In Russ.).

For citation:

Nikitina E.S. On the Concept of Zero Meaning of Text. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2015. Vol. 11, no. 2, pp. 108–117. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/chp.2015110211.

* Nikitina Elena Sergeevna, PhD in Philology, leading researcher at the Department of Psycholinguistics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. m1253076@yandex.ru

13. Sartr Zhan-Pol'. Toshnota [Nausea]. Yakhina Yu. (ed.). Moscow: "AST, Folio". 2001. 320 p. (In Russ.).
14. Sent-Ekzyuperi A.de. Smysl zhizni [Sense of life]. Antuan de Sent-Ekzyuperi. Moscow: Publ. Eksmo, 2013. 224 p.
15. Uait M. "Otsutstvuyushchee, no podrazumevaemoe" [Absent but implicit] [Elektronnyi resurs]: *Material, predstavlenyi na konferentsii po narrativnoi terapii i rabote s soobshchestvami v Adelaidе v fevrale 1999 goda*. Kutuzova D. (ed.). <http://narribrus.wordpress.com/10.10.2009>. URL: <http://narribrus.wordpress.com/author/narribrus> (Accessed 21.02.2013). (In Russ.).
16. Bruner J.S. Actual Minds, Possible Worlds. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1986. 222 p.
17. Trzebinski J. Narracyjne konstruowanie rzeczywistosci. Narracja jako sposob rozumienia swiata. Trzebinski J. (ed.). Gdansk: Gdanskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2002, pp. 17–43.
18. White, M. Narratives of therapists' lives. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 1997, pp. 3–24.